

ЭТО ИНТЕРВЬЮ Взято у ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА НА ПОСЛЕДНЕМ СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР. АНТРАКТЫ МЕЖДУ УТРЕННИМИ И ВЕЧЕРНИМИ ДЕЙСТВИЯМИ-БЕЗДЕЙСТВИЯМИ ОКАЗАЛИСЬ СТОЛЬ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫМИ, ЧТО ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ КОРОТКОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК-ТО САМО СОБОЙ ВЫЛИЛОСЬ В СВОЕОБРАЗНЫЙ МОНОЛОГ ПИСАТЕЛЯ. А НАЧАЛСЯ РАЗГОВОР С ВОПРОСА: ЧИНГИЗ ТОРЕКУЛОВИЧ, ВЫ ПРЯМО ИЗ ЛЮКСЕМБУРГА!

— НЕТ, только что из Бишкека. Думал еще задержаться на родине, но вот — съезд. Пришлось отрываться от событий, которое принесло мне и многим близким людям большие переживания. Вы знаете, наверное, что в общем захоронении расстрелянных в 37-м в предгорьях Чон-Таша обнаружены останки и моего отца. Это какая-то поразительная история, и я, признаюсь, уверовал, что есть-таки в мире некая высшая справедливость, бессрочная, неукоснительная, может быть, вне нашего повседневного бытия. Ведь подумать — через полвека, прошло 54 года, найдено тайное погребение расстрелянных людей, еще одна Катинь, и среди прочего — обвинительное заключение, пробитое пулей, видимо, оно было положено в карман, которое и удостоверяло, что это останки отца. Все исчезло, истлело — тела несчастных людей, обувь, одежда, а бумага — документ той эпохи с именем Торекула Айтматова уцелела, причем текст на трех машинописных страничках сохранился настолько хорошо, что его можно читать.

Когда скончалась моя мать, 20 лет тому назад, мы поставили на кладбище обелиск, указав, что это могила и матери, и отца нашего. Так мы решили в отчаянии: будем считать для себя, что и отец здесь — рядом, вместе с матерью... И вдруг обнаружили его останки. Меня все это потрясло, конечно. И особенно та страшная бумага, пролежавшая полвека в земле, которую я видел своими глазами. Редчайший документ вернулся с того света. Очень многое вспомнилось...

Какая бездна бесчеловечности! — другого слова не нахожу. Хорошо помню тот день, когда прискакал человек в форме — это была форма НКВД, — в фуражке с глянцевым козырьком, в начищенных сапогах: все врезалось в детскую память, мне было девять, пошел десятый. Заслышав громкий топот, мы выбежали из нашей лагуны. Посыльный круто осадил храпящего коня, достал из своей сумки конверт, протянул его матери и ускорился. Мать стала читать, и я вижу, с ней что-то происходит, она в сматении. Оказалось, это ответ на ее прошение: объяснить, что с отцом, где он. Было сказано, что он осужден на 10 лет без права переписьки, и все. А ведь его тогда уже расстреляли. Скрывали, обманывали. Все скрытно делали. Так же тайно везли их туда, в предгорье, в безлюдное место, ночью под 7 ноября, чтобы на другой день с духовым оркестром прошагать по улицам и площадям, славить дьявола в дьяволе, торжествовать в застольях, сотворив это чудовищное убийство — 138 человек за одну ночь перекошили и забросали в яме. Учинили интеллектуальный геноцид нации. Погибли лучшие умы киргизов того времени. И все молодые — 30—35 лет. Отцу было как раз 35. И вот недавно одна старая женщина рассказала о том, что она девчонкой видела той страшной ночью. Ее отец был сторожем пийнерского лагеря, и все свершилось на их глазах. Отец строжайше приказал: никогда никому ничего не рассказывать, иначе нам не жить. Перед смертью она решилась. Тут уже КГБ деваться было некуда.

И ВОТ сижу на съезде и думаю горькую думаю. Кто-то сказал: аварийный съезд. Я помню, была реконструкция дороги между Бишкеком и Алма-Атой. Строители, проложив несколько ответвлений — запасных путей с крутых склонов, сделали яркие, видные надписи: «Аварийный съезд». Но слово «съезд» в русском языке имеет, как известно, два значения: спуск и высокое собрание. И когда я ехал впервые по той реконструируемой дороге, то подумал: как хорошо, что они это написали. Но через некоторое время надписей не стало — у нас в голове прочно отложилось: съезд может быть только победоносным, и даже в таких случаях не допускалось малейшего намека. Так вот этот съезд как раз — аварийный в подлинном смысле. Мы должны как-то суметь удержаться, остановиться и осмысленно двинуться от этой аварийной точки дальше.

В XX веке ни одному обществу не выпало столько испытаний, как нашему. И все через нас катится — революции, войны, голод, диктатуры, инквизиции,

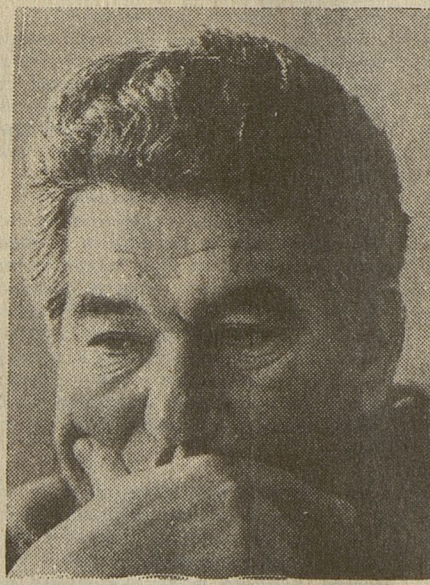
экологические бедствия... И сейчас новый старт испытаний, опять же на нашу долю... Мы оказались на стыке двух исторических вех. Одна эпоха уходит, мстя за себя, пытаясь увлечь за собою мир, в котором она властвовала безраздельно почти что век, другая эпоха нарождается, шумно обещая новое бытие. Многие видят в происходящем только негативные стороны, распад, разрушение, иные охвачены эйфорией всеобщего обновления. Наверное, и то, и другое имеет место. Но мы, как носители этих перемен, находящиеся в борьбе, в противоречиях, не можем сейчас объективно сказать, что же все это есть на самом деле. И только историки будущего скажут об этом: что мы пережили, что мы собой явили в конце XX века. Нам ум приходит, что тут есть какая-то и календарная завершенность — конец века и такие воистину эпохальные события. Но от этого нам не легче, вот в чем все дело. Можно объяснять, философствовать, теоретизировать, однако существует реальность — кричащая, болевая, острая, мы живые люди, и то, что совершается сегодня, отражается на наших живых судьбах, и в большом, и в малом.

Ну кто мог помышлять в недавнем прошлом, совсем короткий срок беру —

прочего, к искаженному пониманию соотношений личности и нации — не личность важна, не ее способности и возможности, не ее интеллектуальные, профессиональные, нравственные качества и служение общенациональным интересам, а ее местопроисхождение в родовой и топонимической иерархии. Такой подход не может не влиять и на государственные дела в суверенных наших республиках, особенно Туркестанского региона, поскольку, по моим наблюдениям, приоритет в расстановке сил на ниве демократических представительствах всех уровней отдается зачастую не личности как таковой, а местногеографическим тенденциям, когда демократия превращается в служанку интересов кланов и землячества. В этом наша отсталость, и, кажется, еще долго предстоит нам изживать в себе рабов патриархального сознания. Путь нации не в местнических ажитациях, на что уходят сейчас все силы, особенно молодежи, а в способности совершенствоваться, взаимодействовать как полноценный исторический элемент, как цивилизованная этническая общность с окружающим миром в процессе глобального развития человечества. Когда же нация увязает в собственной «мелкопоместной»

Чингиз
АЙТМАТОВ:

ПРЕОДОЛЕТЬ СЕБЯ

суете, она остается в стороне от этого мирового движения.

Но это один, так сказать, внутренний уровень наших национальных проблем. Вернемся, однако, к общим для всех нас делам. Как жить дальше, если исходить из того, что мы при всем при том были единым, пусть зловещим, но целостным государственным организмом в мире? В нем, в СССР мы родились, в нем мы выросли, с ним, то есть в определенном смысле с самими собой, нам предстоит расставаться. Да, это неизбежно и необходимо. И все же приедем на минутку прежде, чем выйти за порог дома.

Первое мое ощущение, допускаю, не бесспорно, таково: чем самостоятельнее и независимее мы становимся, то есть республики, тем больше, как ни парадоксально, возникает потребность в новой форме сосуществования, в новой общесоюзной интеграции, уже на качественно новых началах. Как устроить такое сооружение, когда старый центр себя изжил — и Царство ему Небесное! — а новое сообщество возникает из категоричного отрицания необходимости централизации как порока явления? Мне представляется, что в истории человечества такая дилемма возникает, быть может, впервые, и, быть может, и это предопределено нам судьбой. А судьбы, как известно, не избежишь.

Так вот историческая предпосылка к тому, чтобы взглянуть на вещи новыми глазами, налицо — это распад, деградация, самороспуск КПСС, силы, оказавшиеся ныне тормозом демократическо-

го развития. Самороспуск КПСС — акт великого самоосвобождения общественных сил, и причем на благо не только народа, но и самой партии, миллионов людей, имевших к ней отношение. И если говорить о судьбах государства, бывшего СССР, то именно с уходом с арены КПСС исчезает стержень тоталитарной централизации, а это открывает новые условия и возможности для интеграции нового Союза на совершенно иных современных началах — Евроазиатского добровольного сообщества независимых республик. Естественно, тех республик, которые того пожелают. И хотя до этого нам немисливо далеко, но примером может служить Европейское сообщество, сложившееся на наших глазах как выдающееся достижение мировой демократии и цивилизации второй половины XX века.

В этой связи хочу поделиться мыслью, которая в последнее время часто приходит на ум. В том, что распад такой империи, каковой являлся и еще бытует СССР, протекает, если по большому счету, столь безболезненно, я вижу благосклонность Высшей судьбы. Ведь все могло обернуться совсем по иному историческому сценарию, ибо до сих пор ни одно имперское образование не уходило с арены без потоков крови, без

жертв на этом пути миллионов человеческих жизней, оказавшихся в «ядерном распаде» катаклизмов. Не могу не сопоставить с тем, что произошло с Индией, Пакистаном, Бангладеш, а затем с Шри-Ланка, когда распалась Британская империя, а ведь, казалось бы, жили там единым этническим субконтинентом. И до сих пор, вот уже полвека, это страшная мировая проблема. А наша эволюция свидетельствует о том, что перестройка, которую ныне клануют и правые, и левые, и люмпен-паразиты, и честные труженики, подготовила, приспособила и спасла нас самих от себя, ставших заложниками тоталитарного коммунистического самосознания, что непременно повлекло бы такую гражданскую войну, такое высвобождение разрушительных сил в мировом масштабе, что происходящее ныне в Югославии показалось бы «детским лепетом», хотя в кровавых делах каждая погибающая душа — это утрата неизмеримая.

Перестройка спасла нас, утверждаю я вопреки граду камней, метаемых в лицо ей, отслужившей свое до последнего вздоха, как Христос, изруганной и истоптанной нами, кому несла она свет и свободу.

И это дает мне повод сказать, склоняясь перед явлением Перестройки — спасительницы нашей от гражданской беды, следующее.

То там, то здесь — и на земле нашей, и за ее пределами — гудит зловещий колокол бед человеческих, в которых ничто и никто не повинны, кроме нас самих, одержимых. И льется кровь — сисительница жизни, кому бы она ни принадлежала — «своему» ли, «чужому» ли, но всегда тому, кто однажды имел кредит счастья — родиться на свет божий, и в том, чтобы жить, было его универсальное предназначение и высшее аселенское право. И если мы, захваченные подчас фанатизмом страстей, недостаточно ценим ее, а то и пренебрегаем ею, то от этого ценность и смысл человеческой жизни не уменьшается. Смысл жизни без самой жизни быть не может. Ибо в то мгновение, когда убийный, пусть он не жертва случая, а за веру идущий, падает замертво наземь, все предшествующие мотивы, приведшие его к этому исходу, все, ради чего он прибегает к насилию и от насилия гибнет, — все это превращается в ничто, прах, в пустоту по той простой причине, что смысл жизни без самой жизни быть не может. И остается лишь горький вопрос: а был ли иной путь преодоления противоречий, в крайнем случае примирительного стратегического

характера, преследующего ту же цель, но другим, цивилизованным способом, нежели тот или иной яростно односторонний и, как правило, варварский, террористический, радикальный, кровопролитный?

Более того, скажу заодно и другое: не пришла ли пора после опыта Перестройки, — возможно, это скачок во всемирном развитии — определять «стоимость» непримиримой борьбы не «затратами» голов «в кустах», не степенью мук и страданий людских? Так ли всегда неизбежны неприменные классовые и национальные кровопролития, позитически именуемые борьбой? Можно ли достичь справедливости бескровным путем? Не хватит ли той Джомолунгмы убийств на пути человеческого рода, чтобы еще и еще переживать ту страшную вершину мировой скорби? Куда дальше? В космос? Я не вижу для себя по этой причине оправданий революциям и гражданским войнам. И даже то, когда мы патетически восклицаем, что возложили на алтарь Победы миллионы жизней, не вызывает у меня прилива вдохновения и гордости. И заклинаю я Небо — не приведи, Господи, еще одной такой победы! Поскольку нам не дано, к сожалению, знать и засвидетельствовать последние предсмертные прозрения, возможно, те апокалиптические всплески проникновения мыслью в глубь вещей, которые остаются недоступными нашему сознанию, пока мы сами, включая и тех, кто выпестовал взрывоопасные идеи, не убедимся в этом на личном опыте, на том последнем пороге, за которым возврата нет. Но тогда уже поздно, еще никто не подтвердил «оттуда» своего удовлетворения исходом своей участи и того дела, которому он беззаветно служил. Живые же истолковывают случившееся по-своему, «монопольно». Наполняя праведной яростью, клянутся мстить и мстят. Мсть вызывает ответную мсть и т. д. А сатана торжествует, сатана правит бал, внося нам зло, подменяя здравомыслие нетерпимостью ко всему, что не по-нашему. И прорастает, подобно плесени, скверна в душах, и убывает добродетель, и поднимается над головами хоругвь насилия как праведного дела. Но более всего печально, что столь тяжкие испытания судеб непродуктивны — этот путь не ведет к возвышению исторического опыта поколений над прежними, а, наоборот, ведет к регрессу, к жестокости, к разрушению достигнутого.

И то, чего мы сейчас жаждем, прозрев в ходе исторической эволюции, — демократии, суверенитета личности, суверенитета нации и государств, — видится достижимым именно на этом, судьбою посланном перестроечном пути. Она, Перестройка, — это образ гуманизма конца второго тысячелетия, это наш вклад в благородное дело человеческого...

ДЛЯ МЕНЯ эти годы оказались не просто перестроечными, но как-то совершенно по-новому они заставили смотреть на все, что мы называем литературным процессом, включая и собственное творчество. Как будто мои читатели переселились в иные миры, в иные сферы. Те люди, та среда, с которой я привычно общался, стали иными, и наши критерии иные. Прежде даже небольшая статья, не говоря уж о повести или романе, вызывала мгновенные отклики, я чувствовал, что высказанное находит своего адресата. Сейчас не так. Я понимаю, что всем не до литературы, все охвачено политическим безумием. А как дальше — будет ли литература властелином умов, душ, чувств? Или у нас кончилась эпоха? Признаюсь, я страдаю из-за того, что не чувствую жизнь литературную в той значимости и в той энергии, которые были всегда ей присущи и в которых я видел смысл своего труда. Как это нарастить, как поднять снова? Я работаю, не бросаю перо. Все, что было припасено, предвидено, записано, — все пришлось коренным образом пересматривать. Для меня был огромным усилием, страшными муками снова найти себя на своей тропе.

Интервью вел
Ирина РИШИНА